

Границы моего Я

Ева Виксен
Осторожно! Супер горячо!

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Одинокие и Голодные

Ева Виксен

Границы моего Я

«Автор»

2026

Виксен Е.

Границы моего Я / Е. Виксен — «Автор», 2026 — (Одинокие и Голодные)

Можно ли установить эмоции человеку как программу на ноутбук? Мира была клиническим психологом с десятью годами практики. Она лечила психопатов, шизоидов, пограничников и считала себя неуязвимой для чужих чувств. Пока в её кабинет не вошёл он. Давид. Миллиардер. Сирота. Человек, который не различает голод и злость, грусть и усталость, любовь и привычку. Он попросил невозможного: «Установите мне эмоции». И она согласилась. Она разработала для него протокол. Но его тело отзывалось на неё слишком честно. Его реакции были слишком сильными. А она слишком поздно поняла, что запустила процесс, который не сможет остановить.

© Виксен Е., 2026

© Автор, 2026

Содержание

ПРЕДУПРЕЖДЕНИЕ	5
Пролог	6
Глава 1: Мира. Знакомство.	7
Глава 2: Давид. После встречи.	13
Глава 3: Мира. Экстренные меры.	18
Глава 4: Давид. Первое задание.	24
Конец ознакомительного фрагмента.	26

Границы моего Я

ПРЕДУПРЕЖДЕНИЕ

СТРОГО 18+. Книга содержит контент, предназначенный исключительно для совершеннолетних читателей.

Настоящее художественное произведение содержит подробные сцены эротического характера, ненормативную лексику, а также упоминание алкогольной продукции, табачных изделий и иных психоактивных веществ. **Автор напоминает, что употребление алкоголя, табака и любых психоактивных веществ вредит вашему здоровью.** Данные упоминания продиктованы исключительно художественным замыслом, не являются рекламой, романтизацией или пропагандой девиантного поведения и употребления каких-либо веществ.

Все персонажи, имена, фамилии, локации, организации и события в книге являются полностью вымышленными. Любые совпадения с реальными людьми (живыми или умершими), существующими компаниями, брендами или событиями абсолютно случайны.

Произведение носит исключительно развлекательный характер, является художественным вымыслом и не преследует цель оскорбить чьи-либо чувства, взгляды, религиозные или политические убеждения.

Начиная или продолжая чтение данного произведения, вы подтверждаете, что вам исполнилось 18 лет, и вы берете на себя полную ответственность за ознакомление с данным текстовым материалом.

Пролог

Из цикла «Одинокое и Голодные»

Мы все одиноки и голодны. Или когда-то таковыми были. Просто одни говорят об этом вслух, а другие прячутся кто во что горазд: в случайные объятия нелюбимых, в работу до рассвета, в авантюры, в алкоголь, в деньги, в цинизм - лишь бы не чувствовать этот голод, перебить его иными ощущениями. Но он никуда не девается. Сидит где-то под рёбрами и временами напоминает о себе ноющей болью. Голод по настоящему. Голод по любви и близости.

Этот цикл - не сборник сладких романов. Это истории вымышленных людей, которые однажды решились сломать собственные правила.

Сегодня своей историей делятся двое.

Мира. Клинический психолог с десятью годами практики. Женщина, которая привыкла лечить чужие души, но свою собственную заперла на замок после развода. Она не верила, что сможет снова кому-то довериться. Пряталась за работой, правилами и профессиональной этикой. Но однажды в её кабинет вошёл пациент, который попросил невозможного: «Установите мне эмоции». И она согласилась.

Давид. Миллиардер с алекситимией - редким расстройством, при котором человек не различает собственных чувств. Он не отличал голод от злости, грусть от усталости, а любовь от симпатии. Носит с собой карточки-подсказки, чтобы хоть как-то ориентироваться в мире людей. Думал, что эмоции можно установить как программное обеспечение. Но его собственное тело оказалось чувствительнее его разума. И одна женщина с растрёпанными волосами, очками в толстой оправе и полным неумением вовремя обедать запустила в нём процесс, который он не смог контролировать.

Их история о том, как двое взрослых, закрытых людей случайно сломали все мыслимые правила и не пожалели об этом. О том, что бывает, когда в кабинет психолога входит не просто пациент, а тот самый человек. О голоде, который оказался сильнее страха.

А теперь, когда вы устроились поудобнее и вечер обещает быть долгим, Мира и Давид начинают свой рассказ. Они будут говорить по очереди. Приятного чтения.

Глава 1: Мира. Знакомство.

Последний клиент оставил после себя тяжёлый шлейф депрессии, смешанный с горьковатым запахом его парфюма, влажное пятно от ладони на кожаном подлокотнике и стойкое ощущение, что из меня без остатка выкачали всю жизненную энергию. Я со вздохом стащила очки и с силой вдавила подушечки пальцев в переносицу. Оправа к концу пятницы всегда въедалась в кожу до багровых следов... Эх, мои личные профессиональные стигматы, за которые мне неплохо платили.

За окном стремительно густели сумерки. Октябрь в этом году вёл себя откровенно по-свински: не успеешь оглянуться во время сессии, а город за стеклом уже залило чернилами. В тёмном пластиковом полотне проявился мой размытый силуэт. Волосы растрепались, пучок съехал куда-то набок, отдельные пряди торчали в разные стороны, добавляя сходства с уставшей совой, которая снова забыла пообедать. Я небрежно закрыла исписанный ежедневник. По кабинету разнёсся лёгкий шорох бумажных страниц. Всё, на сегодня хватит. Домой, домой и ещё раз - домой!

Телефон на рабочем столе задёргался, разбивая тишину назойливой мелодией. На экране высветилось имя Ковальского. Я мысленно выругалась, потому как этот засранец звонил в такое время только в одном случае, если требовалось срочно сгрузить на кого-то запущенный геморрой.

— Мира Александровна, ради бога, не отключайся, дело горящее, — затараторил он в трубку с такой бодростью, что я буквально ощутила его приторную улыбку, даже не видя его самого. — Случай деликатный, конфиденциальный и, главное, безумно денежный. Клиент пришёл по личной рекомендации, перерыл всю базу клиники и выбрал именно тебя. Мужчина готов внести полную предоплату за годовой контракт прямо завтра утром. Сумма такая, что сможешь уехать зимовать куда-нибудь на Бали. Лови досье, я уже сбросил его тебе на почту.

Я замерла, так и не донеся ладонь до ремешка сумки. Рутинная и однообразная последних месяцев высушила мне мозг настолько, что даже внеурочная работа сейчас показалась спасением от безысходной скуки. Да и финансовый вопрос, чего греха таить, кололся весьма ощутимо. Годовой абонемент с ходу - это весьма и весьма жирный кусок, чтобы выплёвывать его из-за банальной усталости.

— Излагай суть, Артур, — я подняла крышку ноутбука, щурясь от резкого белого света экрана. — Что за диагноз?

— Мужчине тридцать лет. Сколотил безумное состояние на каких-то айтишных платформах, кодах или хрен знает на чём ещё. Главная жалоба сформулирована им дословно: «хочу, чтобы мне установили эмоции». Он утверждает, что вообще ничего не чувствует.

— Алекситимия? — я скептически хмыкнула, дожидаясь, пока загрузится почтовый ящик.

— Сама разберёшься, ты ж у нас лучший спец по пограничным состояниям. В общем, читай файл, я жду твоего ответа.

Трубка замолчала. Я кликнула по свежему вложению, и на экране развернулась цифровая фотография. Снимком это можно было назвать с трудом... скорее, идеальный скульптурный слепок. Никаких улыбок, никаких попыток понравиться, никаких фильтров, которыми сейчас балуются даже мужчины. Просто лицо. Узкое, с резкими скулами и абсолютно прямой нос. Тёмные волосы зачёсаны назад и открывают высокий лоб, и от этого он казался старше своих тридцати.

Но сильнее всего меня зацепили глаза. Они такие кошачьи, карие, смотрели прямо в объектив, но при этом оставались абсолютно пустыми. Ни тепла, ни интереса, ни даже скуки, как будто ненастоящие - как стекло. Я даже приблизила снимок, чтобы получше разглядеть.

Нет, не показалось. На паспортных фото и то люди выглядят живее, хоть какая-то тень эмоции, хоть что-то. А тут ноль. Как будто сфотографировали очень дорогого робота.

Одет он был в простую чёрную водолазку, под которой угадывались широкие плечи. Выглядел он сам как-то угловато. Наверное, невысокий. Красивый, гад. Я даже на секунду залипла, но быстро себя одёрнула и пролистала дальше.

Я пролистала анкету ниже. Имя: Давид. Ни отчества, ни фамилии в открытом доступе Ковальский не оставил. В шесть лет парень остался круглым сиротой, его родители кувыркнулись на машине на подмосковной трассе. Мальчика забрала какая-то родственница по материнской линии, но в графе об отношениях с опекуном Давид довольно прямо, без помарок написал всего три слова: «Нет никаких отношений». Никаких слезливых подробностей, жалоб на тяжёлое детство или застарелых обид. Нет отношений с женщиной, которая взяла его под опеку? Перестали общаться окончательно?

Потом в документе замелькали этапы жизни: закрытый интернат для особо одарённых детей, сложный технический университет, патент на какую-то архитектуру вычислительных систем и, наконец, продажа стартапа за сумму с девятью нулями. Ни жён, ни детей, ни единого затяжного романа в биографии, так что в плане отношений он оказался чистым листом.

В самом хвосте документа обнаружился личный текстовый файл, который Давид, видимо, прикрепил к заявке самостоятельно:

«Я не понимаю, что происходит у меня внутри. Сигналы физического голода и ярости для моей нервной системы ощущаются одинаково. Утомление после работы и глубокая грусть вызывают один и тот же отклик. Женщина, с которой я делю постель, может обнимать меня или целовать, но я фиксирую лишь температуру её кожи, вес ладони и влажность губ. Мне не приятно и не противно. Я просто регистрирую контакт, но мозг не выдаёт оценки. Мне нужен специалист, который объяснит мне, что значат эти сигналы и как их читать. Сроки и цена значения не имеют».

Короткие, рубленые предложения, от которых веяло такой вечной мерзлотой, что у меня внутри что-то болезненно ёкнуло. Маленький испуганный ребёнок, у которого почти двадцать пять лет назад отобрали близких, вырос, построил вокруг себя бронированный бункер, зарабатывал миллиарды, но так и не узнал, чем тоска отличается от желания поесть. И дело тут было вовсе не в глупости, а в сильнейшей травме, которая заблокировала все рецепторы души.

Я захлопнула ноутбук, сунула его в сумку и быстро набила Ковальскому сообщение: «Завтра в десять. Я в деле. Подготовь бумаги с моими правками».

В вагоне метро я прислонилась к прохладному стеклу, чтобы немного успокоить тянущую усталость в висках, и принялась разглядывать в тёмном окне своё отражение. Тридцать семь лет. Фигура за последний год окончательно утратила былую резкость, линии стали мягче, словно слегка расплылись... Что ж, это честная расплата за сидячую работу, ночные отчёты и углеводные стресс-ужины. «Обабела ты, Мира, - подумала я с лёгкой злостью на саму себя, поправляя воротник пальто. - Пора вытаскивать задницу из этого анабиоза. Вот тебе задачка с итальяшкой, встряхнись!».

Дома меня встретила привычная гулкая тишина. Зато за тонкой стеной соседка надрывно сопереживала героине какого-то глупого телешоу, откуда доносились фальшивые вздохи и закадровый плач. Я плеснула в стакан чистого джина, проигнорировав тоник, и опустилась в глубокое кресло, поджав ноги. Сухой алкогольный огонь привычно обжёг горло и начал медленно расслаблять вечные плечевые зажимы.

Я достала телефон и снова открыла снимок Давида. При близком рассмотрении в изломе его плотно сжатых губ угадывалось кое-что похуже, чем просто дефект мимики - полная, абсолютная изоляция от внешнего мира.

Спалось паршиво. Снились бесконечные зеркальные лабиринты, в которых я плутала в крошечной тьме, натываясь на собственные искажённые копии. Проснулась рано, когда в сером рассветном небе только начинали перекликаться первые городские птицы. Мысль о предстоящей сессии отозвалась в груди странным, детским предвкушением. Профессиональный азарт. Или нечто куда более рискованное?

В клинику я прилетела за полчаса до назначенного времени. Наша Регина, бессменный администратор с ядовито-синей подводкой на веках, оторвалась от монитора и хитро прищурилась:

— Доброе утро, Мира Александровна. Вид у вас какой-то боевой. Неужели ради того самого миллиардерчика так рано примчались?

Вот ведь шустрая, всё-то она знает!

— Ради него, Регина. Если через час из моего кабинета повалит жареным — вызывай МЧС, это мой мозг кипит, — отшутилась я, проходя вглубь коридора.

Я аккуратно разложила чистые бланки, проверила уровень заряда на диктофоне, положила ручку строго параллельно краю стола. Сердце почему-то сделало лишний удар, а на затылке натянулась тонкая струна напряжения.

Когда дверь открылась ровно в десять, я поняла, что фотография безбожно лгала. Он был огромным. Рост под метр девяносто, но двигался мужчина при этом бесшумно и плавно. Идеальный серый костюм сидел на нём безупречно, однако под дорогой шерстяной тканью угадывалось плотное, сухое тело бойца или фанатичного атлета. Его тёмные глаза медленно, без суеты скользнули по интерьеру: кожаное кресло, стеллажи с книгами, мой рабочий стол. Он вошёл как хищник, оценивающий новую территорию.

— Здравствуйте.

— Здравствуйте. Присаживайтесь, Давид. — Я сделала жест в сторону глубокого кресла. — Вашу анкету я подробно изучила, но хочу услышать суть проблемы от вас лично.

Он опустился на сиденье. Крупные ладони легли на подлокотники, длинные пальцы без колец расслабились, но мужчина практически не моргал, и это пристальное созерцание начинало по-настоящему давить уже и на мою психику... Он смотрел прямо на меня. Но... делал это настолько безразлично, что даже мне стало жутко.

— Мне нужно научиться чувствовать, — его голос оказался неожиданно низким, густым баритоном, от которого по полу прошла едва уловимая вибрация. — Физически я абсолютно здоров. Но в бизнесе отсутствие эмпатии стало приносить убытки. Переговоры заходят в тупик, потому что я просчитываю сухие цифры, а партнёры руководствуются иррациональными импульсами. Я не понимаю их реакций, они боятся моей холодности. Обычные разговоры на кушетке мне не помогут, я проверял это в Лондоне. Ковальский сказал, что вы работаете через тело и нестандартные методики. Назовите вашу цену за перепрошивку моего восприятия.

Я выдержала длинную паузу, давая звукам его голоса полностью раствориться в пространстве комнаты. Его тембр действовал на меня гипнотически... слушала бы и слушала. Я сняла очки, глядя прямо в его неподвижные кошачьи зрачки.

— Давид, вы ошибаетесь. Ваши эмоции никуда не делись. Ваше тело всё прекрасно чувствует: оно пугается, злится, воделеет. Но ваш мозг когда-то давно научился переводить эти сигналы на человеческий язык. Это как огромный склад, где со всех коробок сорвали этикетки. Мы не будем вживлять вам что-то чужеродное. Мы займемся инвентаризацией того, что уже заперто внутри.

Я подалась вперёд, положив руки на стол и резко сокращая дистанцию между нами:

— И предупреждаю сразу: это будет неприятно, странно и местами даже унижительно. Вы готовы к этому?

Его лицо осталось неподвижной маской, но я заметила, как на долю секунды сильнее натянулась жила на его шее.

— Я готов. Дайте мне инструкции и правила. Когда начинаем?

— Прямо сейчас, — ответила я, откидываясь на спинку кресла и скрещивая руки на груди. — Первая сессия у нас будет ознакомительной, так что никаких тестов и протоколов, просто поговорим с вами. По душам - так сказать. Нам же нужно друг с другом познакомиться? Привыкнуть друг к другу, Верно? Вот и я так думаю. Расскажите мне о себе и о своём детстве, Давид. Только не то, что написано в анкете, а своими словами.

Он моргнул и на секунду задумался.

— Мои родители погибли, когда мне было шесть. Меня забрала к себе сестра матери, которая попросту не знала, что со мной делать. Она училась в университете в тот момент. С ней у нас не заладилось, как мне думается... Она... Я даже не знаю. Она не мама. По-моему она меня побаивалась.

— Вот как? И почему? — Я удивилась.

— Потому что я не плакал ни на похоронах, ни потом. Она наверное подумала, что я бесчувственный или псих. Что вполне близко к правде. Избегала меня... Конечно, она меня кормила, одевала, водила в школу. Но... Общения, простого и человеческого общения у нас не было. Спустя полгода она отдала меня в интернат для одарённых детей.

— Сейчас вы общаетесь?

— Нет. Но я ежемесячно пополняю её счёт на определённую сумму.

— Даже по праздникам друг другу поздравления не шлёте?

— Зачем? Я ничего не праздную. Нет, ни шлём ни открыток, ни смс. Нет необходимости в этом.

— А почему вы ей деньги перечисляете?

— Потому что, мне кажется это правильным.

— Она вас об этом просила?

— Нет. Я делаю это по своей воле.

— А она что-то отвечает вам за пополнение её счёта?

— Отправляет сообщение с благодарностью.

— То есть, вы всё же общаетесь?

— Я бы не назвал это общением. Если отрыть нашу переписку, то можно лишь увидеть десятки сообщений от неё с одним единственным словом "Спасибо".

— Я вас поняла. Вы помните сами похороны? — спросила я деликатным голосом, потому как тема была явно болезненной, хоть он и говорил о ней с каменным лицом.

— Помню. Помню два закрытых гроба, много цветов, люди в чёрном. Я стоял и думал, что все они чего-то от меня ждут. Слез, наверное. Но я не мог им этого дать. Мне было... — он осёкся и посмотрел на меня с лёгким прищуром, будто сверяясь с какой-то внутренней базой данных. — Я не знаю, как это назвать. Внутри было пусто что ли.

— Это горе, Давид, — сказала я. — Самое настоящее горе. Многие люди во время утраты ощущают как раз пустоту и полную безысходность. Пустоту размером с чёрную дыру, я бы сказала. Просто ваш мозг не дал горю выйти наружу. А вы в силу своего маленького возраста и не знали, как реагировать, что делать. Я уверена, что вы многих вещей не осознавали.

Он выслушал меня с непроницаемым лицом, но я заметила, как его длинные пальцы чуть сильнее сжали подлокотники кресла. Я решила, что на сегодня с детством хватит, и перевела разговор в другое русло.

— Вы упомянули, что консультировались в Лондоне. Кто вас вёл?

— Профессор Харрисон. Очень известный, очень дорогой специалист. Мы говорили по часу два раза в неделю в течение трёх месяцев. Он давал мне задания и таблетки, я всё прини-

мал и всё делал, но результата не было никакого. Тогда я понял, что разговоры и упражнения не работают и мне нужно что-то другое.

— Что именно?

— Ваш менеджер сказал, что вы работаете через тело и заставляете людей чувствовать не головой, а кожей. Это мне подходит. Я понимаю язык тела лучше, чем язык эмоций, так что если вы объясните мне на нём, то я пойму.

Я невольно хмыкнула. Это было неожиданно и чертовски точно сформулировано.

— Скажите, Давид, а вы когда-нибудь испытывали физический интерес к женщине? Не просто регистрировали контакт, а действительно хотели его? — Я вспомнила этот вопрос, потому как у него упоминалось подобное в анкете.

Он задумался. Не покраснел, не смутился, просто взял паузу на раздумья.

— Дважды испытывал. И с этими женщинами я спал. Мне было интересны их тела, но не более. Я не скучал по ним потом и вообще никогда ни по кому не скучал.

— А по родителям?

Повисла тишина. Он посмотрел на меня, и в его тёмных глазах на долю секунды мелькнуло что-то, что я не успела классифицировать.

— Я не знаю, — ответил он наконец. — Я не помню, каково это - скучать. Но я помню их лица. И иногда я думаю о том, что было бы, если бы они не погибли. Это считается?

— Считается, — сказала я.

Мы проговорили ещё около получаса, и за это время я успела узнать о нём больше, чем рассчитывала. Он не любил сладкое, его любимым цветом был серый, потому что он «никакой и не отвлекает», а единственное, что вызывало в нём подобие удовлетворения, это решение сложных математических задач. Когда Давид говорил о программировании, его лицо становилось почти что одухотворённым, а когда я снова возвращалась к людям застывало, словно маска.

В конце сессии я задала ему последний вопрос:

— Почему вы выбрали именно меня? Что вас зацепило в моём профиле?

Он посмотрел мне прямо в глаза и ответил без колебаний:

— Вы специализируетесь на пограничных состояниях. У вас десятилетний стаж. И у вас нет ни одной жалобы от пациентов, а это говорит о том, что вы либо очень хороши, либо очень осторожны. И ещё... — он на секунду замолчал, и я вдруг заметила, что его взгляд скользнул по моему лицу и задержался где-то в районе губ. — У вас умные глаза. Я редко это вижу. Обычно люди смотрят на меня и думают о деньгах, а вы думаете обо мне. Это другое.

Я моргнула. Это что, комплимент? Или что? Я так и не смогла определиться до конца, но внутри у меня что-то дрогнуло, и это «что-то» мне совершенно не понравилось своей неуместностью.

— Хорошо, Давид, на сегодня достаточно. Я составлю план лечения и пришлю его вам на почту.

Он встал и направился к двери.

— А когда следующая сессия?

— Я вам отпишусь.

Он вышел, а я ещё несколько минут сидела неподвижно, глядя на закрытую дверь. «У вас умные глаза». Я повторяла эту фразу мысленно снова и снова и никак не могла взять в толк, почему она меня так зацепила. Это же просто слова, облечённые в вежливую форму. Но сказал он их так... По-особенному сказал... Точно! В его голосе в этот момент промелькнуло что-то тёплое! Вот почему меня это так зацепило...

Я открыла блокнот и записала в нём первые впечатления.

«Давид. День 1. Высокий, крупный. Голос низкий. Любит смотреть прямо в глаза. Не суетится, не делает резких движений. Может быть медлительным, берёт время на раздумья.

Не стеснителен. Говорит как компьютер, но периодически выдаёт вещи, которые звучат почти как... человеческие? Прикосновений пока не было. Реакция на дистанцию: нейтральная. Прогноз: сложный, но рабочий. Терапия через тело оправдана».

Я захлопнула блокнот и поймала себя на том, что улыбаюсь, причём совершенно дурацкой, неуместной улыбкой. Все мои железные правила и профессиональные границы, которые я выстраивала годами, вдруг показались мне тонкими, как бумажная салфетка. Я посмотрела на пустое кресло, где он только что сидел, и поймала себя на мысли, которая точно не имела никакого отношения к клятве Гиппократова. Это было чистое, опасное женское любопытство.

Глава 2: Давид. После встречи.

Из клиники я вышел с чётким намерением поехать прямо в офис, но уже на заднем сиденье майбаха понял, что физически я, может, и покинул здание, а вот ментально...

А вот ментально я похоже застрял в том кресле. В маленьком и солнечном кабинете, напротив женщины, которая за один час умудрилась взломать мою голову.

Вопрос Миры Александровны про тётю засел в мозг ржавой занозой: почему я продолжаю отправлять деньги человеку, с которым даже не общаюсь? В кабинете я выдал сухой ответ... Это просто первое, что пришло мне в голову, но сейчас, глядя на проносящиеся мимо улицы и дома, осознал, что у меня нет реального объяснения. Мы с тётей всегда были чужими. Это не метафора и не преувеличение для красного словца... Просто два биологически родственных организма, волею случая оказавшихся на одной жилплощади в своё время. Никаких семейных ужинов у нас с ней и в помине не было, никаких ёлок на Новый год мы не наряжали, попивая гоголь-моголь, я даже дату её рождения помнил лишь потому, что у меня хорошая память на цифры. Раз в месяц с моего счёта уходил автоматический перевод, а в ответ падал безликий месседж: «Спасибо». Меня это устраивало. Вернее, я думал, что устраивает, потому что других сценариев попросту не знал.

Но эта Мира Она заставила меня задаться вопросом: а норма ли это? Или не норма? Должно ли так быть? Или как-то по-другому? А как вообще это устроено у других? Я прислушался к собственному телу, просканировал себя, как привык делать годами. Ни спазма в гортани, ни тяжести в солнечном сплетении, ни скрежета в челюсти... Просто когда-то я страдал бруксизмом, стирая эмаль по ночам из-за перегрузок нервной системы, но сейчас мышцы были расслаблены. Никакой боли. Значит, для меня такой формат отношений - это нормально?

Однако сам факт этой рефлексии был аномалией. Раньше я не тратил "вычислительные мощности" мозга на анализ чужих эмоций, не видел в этом практического смысла. А сейчас анализировал. Копался в себе. И это было увлекательно? Пожалуй, да.

Разговор с этой женщиной запустил внутри меня странный процесс. Что-то отдалённо похожее на предвкушение. Годами я бился головой о глухую стену собственной бесчувственности, пытался распутать эти провода, не собираясь сдаваться. Что бы вы понимали: функция "Сдаюсь, лапки кверху" для меня просто не существует. И вот теперь моё упрямство дало плоды. Я нашёл специалиста, который смотрел на меня не как на сломанный механизм или как психбольного, а как на живого человека. И это давало надежду. Призрачную, слабую, но надежду на то, что мою «прошивку» всё-таки можно обновить до идеальной... Точнее - до рабочей.

А потом произошло то, что окончательно выбило меня из колеи. Когда она спокойно, профессиональным тоном спросила о моём физическом интересе к другим женщинам, перед глазами вдруг вспыхнула картинка. Яркая, непрошенная, абсолютно живая как будто это было на самом деле. Мира в моей постели. Это видение длилось долю секунды, но впечаталось в сознание довольно хватко: её густые, растрёпанные волосы разметались по моим подушкам, влажные, приоткрытые губы жадно хватают воздух, а бледная кожа контрастирует с полумраком спальни.

Какого чёрта? Меня буквально коротнуло. Я не давал мозгу команды генерировать этот визуальный ряд. Фантазия возникла сама по себе, пробив мои ментальные щиты. И это было уже не просто странно. Судя по ощущениям в теле - меня это пугало и будоражило одновременно.

Седан плавно затормозил у подземного входа башни без десяти десять вечера. Охранник у стеклянных дверей вытянулся и привычно кивнул. Я бросил короткий ответный кивок, даже не сфокусировав на нём взгляд, и быстрым шагом направился к лифтам. Шаги гулким

эхом отскакивали от мраморных стен пустого вестибюля. Хотелось быстрее оказаться наверху. Запереться в тишине своего пентхауса и переварить этот сбой в моей системе.

Пока скоростная кабина бесшумно несла меня на последний этаж, я стоял, засунув руки в карманы брюк, и изучал своё отражение в полированном металле дверей. Лицо как лицо. Всё как обычно. Хотя, если присмотреться Губы больше не были сжаты в жёсткую линию, они расслабились, а во взгляде появилось что-то лихорадочное. Я поймал себя на том, что продолжаю прокручивать в голове этот час в её кабинете. Каждую секунду. Каждую деталь.

Мира Александровна...

Я усмехнулся краешком губ. Надо же, имя с отчеством врезались в память с первого раза. Обычно имена стираются из моей памяти секунд через десять, мой мозг автоматически удаляет мусорную информацию, не имеющую практической ценности. Иван, Анна, Сергей - какая к чёрту разница, как зовут людей, которые исчезнут из моего расписания через неделю? А эта осталась. Сидит где-то в подкорке, царапает изнутри черепную коробку и крутится на бесконечном повторе. Ми-ра. Даже имя у неё звучит нетипично, глубоко, весомо. Не Маша, не Марина. А Мира. Кажется, оно означало то ли вселенную, то ли согласие - я читал об этом в какой-то статье лет сто назад, но сейчас это не имело ровным счётом никакого значения.

Тяжёлая дверь пентхауса поддалась бесшумно. Я шагнул в просторную прихожую, и умный дом тут же плавно вывел мягкий, тёплый свет, чтобы не резать глаза. Я сам писал алгоритмы для этой системы три года назад. Всё в моей жизни должно было работать безупречно. И только по моим правилам.

Но сегодня правила почему-то сломались...

Я стянул пиджак и бросил его прямо на банкетку, не потрудившись убрать в гардеробную на плечики. Плевать. Завтра придёт домработница и уберёт. Пальцы машинально растегнули замок тяжёлых швейцарских часов, холодный металл скользнул в ладонь. Я потёр запястье и внезапно замер.

Кожа под браслетом была влажной. Не мокрой от жары, а липкой от испарины, как после жёсткого спарринга на ринге.

Я нахмурился. В башне работает автономная система климат-контроля, воздух всегда прохладный и очищенный. Я не потел просто так. Никогда. Я поднёс запястье к лицу и медленно вдохнул. Никакого запаха адреналина или стресса, просто запах чистого мужского тела. Но организм выдал физиологическую реакцию. Что-то заставило мои железы работать активнее. Я с силой потёр кожу, словно пытаюсь стереть этот факт, и направился в ванную.

Ладно. Спишем на сбой.

Как вы уже поняли, я душнила. Точнее, я себя таковым не считаю. Просто знаю, что таких как я вот так и называют.

В ванной я не стал включать основной свет. Скинул одежду, шагнул в душевую кабину и нажал кнопку старта, закрывая глаза. Вода ударила по плечам упругими, обжигающими иглами, но я почти не чувствовал температуры. Тело находилось здесь, под мощным потоком, а разум всё ещё блуждал по её кабинету. Я снова и снова видел её.

Как она сняла очки. Эта сцена въелась в мозг. Она стянула их и положила на стол медленно, плавно, намеренно растягивая время. Будто знала, что я не могу оторвать от неё взгляд. И в этот момент я впервые по-настоящему увидел её глаза. Не просто базовый цвет или форму, а то, что скрывалось на самом дне. Сложный, глубокий серо-зелёный оттенок с вкраплениями тёплого золота, которые мерцали вокруг зрачка, как пылинки, пойманные солнечным лучом. Я тогда даже не осознал, что откровенно пялюсь. Просто сидел, как парализованный, и смотрел. А она смотрела в ответ. И в её взгляде не было той отстранённой, оценивающей пустоты, к которой я привык от врачей. Я обошёл лучших профессоров Лондона, Берлина, Цюриха... И для них я был всего лишь сложным "кейсом". Интересной задачей. Ну и бездонным кошельком, разумеется. А Мира смотрела иначе. Так, словно хотела залезть мне под кожу...

А потом она подалась вперёд. Это движение отпечаталось на моей сетчатке покадрово. Она опёрлась ладонями о стол, резко сокращая дистанцию, и её полная, тяжёлая грудь, обтянутая простой белой блузкой, легла на полированное дерево. Тонкий хлопок натянулся, и я увидел рельеф кружевного белья.

Увидел и не смог заставить себя отвести взгляд, прекрасно осознавая, насколько это непрофессионально, грубо и неуместно на приёме у врача. А потом мой взгляд скользнул выше. На её шее, прямо над ключицей, бешено пульсировала тонкая синяя жилка.

Она волновалась. Эта потрясающая, уверенная в себе женщина, которая так профессионально препарировала мои диагнозы, на самом деле испытывала трепет, и её собственное тело выдавало её с потрохами. Я это видел. Я замечаю не только свои реакции, но и реакции чужие... Это уже привычка... Не знаешь сам, что чувствуешь и как себя вести? Просто наблюдай за другими. Другие в отличии от меня - нормальные. Они понимают, что чувствуют и демонстрируют это.

И этот запах. От неё пахло чем-то дурманыще-сладким, терпким. Ежевика? Дикая, переспелая лесная ежевика, отяжелевшая от сока под августовским солнцем. Я терпеть не могу сладкие парфюмы, от них свербит в носу и болит голова, но этот аромат хотелось вдыхать жадно, полными лёгкими. Хотелось зарыться носом в её кожу и понять, откуда он исходит: от изгиба шеи? От тонких запястий? От растрёпанных волос? Я поймал себя на нелепой мысли, что хочу узнать марку этих духов. Полный бред. Я никогда не интересовался женскими склянками, а сейчас меня крыло.

Я резко открыл глаза. Вода всё ещё с шумом хлестала по груди, стекая по рельефному прессу вниз, к паху. И там, внизу, наливалась свинцовой тяжестью абсолютная, бесконтрольная эрекция. Член стоял так жёстко, упираясь в живот, словно я был подростком в пубертате или мужчиной, не видевшим женщину год. Твёрдый, пульсирующий, требующий выхода.

— Да твою ж мать, — хрипло выдохнул я в пустоту.

Голос отразился от кафеля и разбился о шум воды. Я ударил по сенсору, вырубая душ, резко распахнул стеклянную дверцу и накинул полотенце на бёдра. Я подошёл к огромному, во всю стену зеркалу, опёрся руками о раковину и уставился на своё отражение.

В полумраке на меня смотрел чужак. Глаза лихорадочно блестели. Зрачки расширились настолько, что радужка казалась практически чёрной, поглощая свет. Я машинально прижал два пальца к сонной артерии на шее. Раз, два, три. Восемьдесят четыре удара в минуту. Моя стандартная норма в состоянии покоя - семьдесят, в худшие дни - семьдесят два. Сейчас же сердце молотило так, словно я только что закончил кардиотренировку на пределе. Но я не бежал. Я просто вспоминал женщину... Своего лечащего врача.

Тяжело дыша, глядя на капли воды, скатывающиеся с мокрых волос на белоснежный фаянс, я попытался запустить логическое мышление. Допустим. Допустим, это банальное переутомление. Сезонный спад, дефицит микроэлементов, гормональный всплеск, о котором так любят писать в околomedicalных статьях. Но если это физиология, то почему я до сих пор чувствую её запах? Почему аромат её кожи преследует меня в моей собственной ванной?

Я с силой оттолкнулся от раковины и вышел на кухню. Голые ступни оставляли влажные, тёмные следы на матовом граните. На кухонном острове меня уже ждал ужин, доставленный консьерж-сервисом строго по расписанию через грузовой лифт. Я отщёлкнул крышку контейнера: дикий лосось на пару, киноа без соли, бутылка фильтрованной воды. Мой идеальный по калориям рацион, который я не менял два года. Я взял вилку, отломил кусок розового мяса и отправил в рот.

Пенопласт. Абсолютно безвкусная, пресная вата. Ни текстуры, ни удовольствия. Я стиснул зубы, заставляя себя прожевать, но кусок встал поперёк горла. Пришлось залить его половиной стакана воды, чтобы не подавиться. Я попробовал взять ещё немного, но организм взбунтовался. Желудок не хотел эту правильную, но такую невкусную пищу. Он хотел чего-то иного.

С раздражением захлопнув контейнер, я убрал его в холодильник. Допил воду прямо из бутылки и начал мерить шагами гостиную. От панорамного окна до огромного дивана и обратно. Не мог остановиться, не мог заставить себя сесть. За стеклом, от пола до потолка, простиралась ночная Москва. Огромный, пульсирующий неон мегаполис лежал у моих ног, расчерченный идеальной сеткой проспектов. Красные артерии габаритных огней ползли в одну сторону, белые фары в другую. Обычно эта холодная, безупречная геометрия транспортных потоков успокаивала меня лучше любого транквилизатора. Я любил посидеть в кресле и вот так понаслаждаться видом после утомительного дня... Но не сейчас.

Сегодня эта магия почему-то не работала. Я смотрел сквозь огни ночного города, сквозь небоскрёбы и мосты, а видел только её. Её губы. Её проницательный взгляд.

В памяти чётко, как аудиозапись, всплыла её фраза: «Ваше тело всё прекрасно чувствует. Оно пугается, злится, вожделеет. Но ваш мозг разучился переводить эти сигналы на человеческий язык».

Профессор в Лондоне, увешанный регалиями, пытался втолковать мне то же самое. Но он чертил схемы, сыпал медицинской латынью и пичкал меня антидепрессантами, от которых лишь пересыхало во рту. А Мира сказала это просто. Жёстко, но по-человечески. И эта простота пробила мою броню. Я поверил ей. Я, человек, который не доверяет никому, особенно когда речь заходит о моей искалеченной психике, поверил ей с первой минуты.

Короткая трель смартфона разрезала тишину. Я вынырнул из мыслей и сдёргнул аппарат со стеклянного столика. Сообщение от личного помощника: «Договор с клиникой подписан. Мира Александровна подтвердила долгосрочный формат работы. Счета оплачены». Я отбросил телефон на кожаный диван, даже не дочитав.

Плывать. Плывать на контракты, на бюрократию, на суммы в счетах. Меня сейчас волновал только один вопрос: когда следующая встреча? Завтра? Послезавтра? Через чёртову неделю? У неё там что, другие пациенты? Забитое расписание? Если нужно, я выкуплю всё её время, закрою клинику для других посетителей, компенсирую любые убытки, лишь бы она принадлежала только мне. Как врач, разумеется. Эта мысль была дикой, собственнической, граничащей с одержимостью, но она укоренилась в голове и пустила ядовитые ростки.

Я стремительно вошёл в спальню, рывком выдвинул нижний ящик комода и достал тяжёлую шкатулку из полированного дерева. Надо было понять, что не даёт мне покоя и почему я себя так чувствую! Так странно и незнакомо... Я достал реабилитационный набор из Цюриха. Карточки для подобных мне людей с нарушением эмоционального спектра. Я сел на край широкой кровати и начал нервно перебирать плотный картон, словно крупье колоду карт.

«Страх». Читаю на обороте: холодные конечности, тремор, желание спрятаться. Мимо. Мне не хотелось от неё прятаться. Наоборот, я бы прирос к её креслу до самого утра. Карточка летит на пол.

«Гнев». Напряжение в челюсти, прилив крови, агрессия, желание кричать. Мимо. Я был расслаблен. Я не хотел кричать... я хотел слушать, и чтобы она говорила. Чтобы её голос заполнял вакуум в моей голове. Вторая карточка летит следом.

«Грусть». «Отвращение». «Стыд». Я пролистывал их одну за другой, сверяя симптомы, и с раздражением швырял на ковёр. Ничего. Ни одна чёртова карточка, придуманная светилами психиатрии, не описывала того пожара, который разгорался внутри меня сейчас.

Неужели этого чувства не было в базовом наборе?

Я почти что тридцать лет чувствовал только голод, холод и усталость, сидел в пустом пентхаусе в час ночи и чувствовал нечто не поддающееся классификации. Горячее, тягучее, сводящее с ума беспокойство, которое прошивало тело от макушки до кончиков пальцев.

В паху снова дёрнуло. Боль от неудовлетворённого возбуждения стала резкой, невыносимой. Я отбросил коробку, сбросил полотенце и рухнул на кровать обнажённым. Вырубил свет. Уставился в высокий потолок. Закрыв глаза, пытаюсь обмануть мозг.

И тут меня накрыло окончательно.

В темноте под веками она снова снимала очки. Снова склонялась ко мне, и в её глазах плясали золотые лесные искры. Я буквально наяву видел, как вздымается её грудь под блузкой, чувствовал, как пульсирует жилка на шее. Аромат дикой ежевики заполнил спальню так плотно, что казалось, она лежит прямо здесь, рядом со мной, дышит мне в шею.

Покрывало стало невыносимо тесным. Член стоял так, что каждое движение отзывалось болезненной пульсацией. Я перевернулся на бок, вцепился пальцами в подушку до хруста в суставах, зажмурился. Думай о работе, приказал я себе. О котировках. О сделке с американскими инвесторами. О матрицах.

Бесполезно. Тело взбунтовалось, сбросив диктатуру разума. Оно жаждало того, в чём я отказывал ему всю сознательную жизнь. Оно хотело женщину. И кажется не просто женщину, а именно эту Миру? Хотело подмять её под себя, вжаться в её тепло, почувствовать бархат её кожи, зарыться лицом в её волосы и дышать, дышать ею.

Я лежал в абсолютной темноте и ясно понимал одну вещь. Я жду наступления утра не потому, что меня ждут миллионные контракты. Я жду его, потому что хочу снова переступить порог этого маленького кабинета. Вдохнуть запах сладких ягод. Увидеть, как она небрежно заправляет прядь за ушко. Как приоткрывает губы перед тем, как задать вопрос. Как смотрит на меня. Не как на пациента. Как на мужчину.

Я хочу её. Я, никогда ни к кому не привязывавшийся, не понимающий значения слова «скучать», сейчас буквально задыхался от этой ломки. Я хочу к ней.

У меня нет карточки с названием для этой агонии. Я не знаю, как нормальные люди называют это безумие? Симпатия, страсть, одержимость? У меня нет для этого слов. Но у меня есть завтрашний день. И завтра я узнаю это. Обязательно узнаю. Любой ценой.

Глава 3: Мира. Экстренные меры.

Я переступила порог квартиры с таким чувством, будто за день из меня выжали все силы до последней капли. С трудом стянула тесные замшевые сапоги. Молния на левом, как назло, снова заела на щиколотке, так что один сапог полетел в угол прихожей, а второй завалился на бок посреди коврика. Плевать. На наведение порядка сил уже не оставалось. А себя надо беречь. Разогнув затёкшую спину, я прошла на кухню, чувствуя, как гудят уставшие за день ноги, и шуруша бумажным пакетом из супермаркета с моим нехитрым ужином.

На полноценный и сбалансированный ужин после такого эмоционального выжималова не осталось ни моральных, ни физических ресурсов. Опять! Эх... Ну не быть мне ЗОЖницей и фитоняшкой. Поэтому я достала упаковку молочных сосисок, которые буквально только что купила, и швырнула их вместе щедрой горстью макарон-пёрышек в кипящий ковш. Пивалилась спиной к прохладной столешнице, ожидая, пока вода недовольно забулькает. Несвоевременно вспомнила, что сосиски и макарошки надо кидать в кипящую воду вообще-то... Как же устала моя голова. Ну ладно. Не страшно.

Пока углеводная бомба варилась, я на чистом автомате, не включая мозг, покрошила в глубокую миску пупырчатый огурчик и крупный, мясистый розовый помидорчик. Ммм! Ну какой аромат от них! Щедро ливанула туда пахучего оливкового масла, даже не заморачиваясь с правильными пропорциями. Салат выглядел так себе, скорее как дачное хручево, но мне было абсолютно всё равно. Весь день на взводе, на натянутых нервах и четырёх чашках дрянного растворимого кофе между сессиями, а теперь вот это гастрономическое преступление на ночь глядя. Идеальный рацион для тридцатисемилетней женщины с высшим медицинским образованием, которая за немалые деньги учит других людей бережно и осознанно относиться к своему телу. М-да. Сапожник без сапог - это классика жанра. А вы что думали, все мозгоправы такие правильные, питаются исключительно курогрудью и брокколи на пару? Увы и ах. Иногда мы жрём дешёвые сосиски с разваренными макаронами и запиваем всё это пивком, потому что иначе крыша просто съедет от чужих травм.

Я небрежно слила воду через дуршлаг, шмякнула в тарелку бледные мясные трубки вместе с макаронами, прихватила салатник и рухнула на диван, не забав при этом щёлкнув пультом. Экран плазмы моргнул, возвращая меня к очередной серии дурацкого сериала. Я включала его исключительно в качестве белого шума, чтобы разгрузить забитые чужими слезами, диагнозами и жалобами мозги. Там как раз в самом разгаре шла любовная линия про сурового, покрытого шрамами генерала, который шантажом и силой принудил юную, трепетную героиню выйти за него замуж. Ну, знаете, абсолютно стандартное, клишированное мыло - токсичная маскулинность, стокгольмский синдром и всё в таком духе. Но почему-то именно сегодня оно затянуло меня с головой...

На экране разворачивалась напряжённая сцена вынужденного свидания. Герои оказались посреди живописного лесного озера в покачивающейся деревянной лодке. Электричество между ними буквально сочилось через экран, пробивая пиксели, и я вдруг поймала себя на том, что перестала жевать. Мужчина в грубом суконном мундире, сверкнув похотливыми глазами, резко притянул девчонку к себе, сминая широкими ладонями тонкую ткань её светлого платья. Лодка опасно накренилась, черпанув бортом мутную тёмную воду, но им было явно не до этого. Генерал цепко вонзился в её бёдра, прижимая героиню спиной к мокрому деревянному настилу, и они начали как-то уж очень яростно удовлетворять друг друга, ловя рванный ритм озёрной качки. Я видела, как забытое весло с плеском соскользнуло за борт и пошло ко дну, как часто вздымалась широкая мужская грудь, и как тонкие пальчики героини впивались в его плотные плечи - так жадно, будто она тонула в этом озере и только этот грубый мужлан мог её спасти.

Я замерла с поднятой вилкой. Кусок остывающей сосиски так и не долетел до моего приоткрытого рта. Зато генеральской сосиске на экране, судя по стонам, повезло куда больше.

Где-то глубоко внизу моего живота заворочался острый, колющий комок чистой, женской зависти. Это было не просто банальное возбуждение от пикантного кадра - это прям была именно тоскливая, сосущая зависть. Я смотрела на этот безумный, первобытный, лишённый всякого глянца секс на воде, и до дурноты, до фантомной ломоты в интимном месте понимала одну страшную вещь: я хочу так же. Не в кино. Не в фантазиях. В своей реальной жизни.

Я хочу, чтобы меня заставили отключить этот чёртов, вечно всё контролирующий и анализирующий разум. Чтобы сильные мужские руки просто переломили моё напускное независимое сопротивление, заставив кожу гореть, а лёгкие задыхаться от острой нехватки кислорода. Хочу, чтобы меня взяли и без сюси-пуси, без тушёвки, а так, как будто мы последние выжившие на этой планете и завтра просто не наступит.

Я почти не чувствуя вкуса, дожевала макароны, сглотнула сухой ком в горле и перевела взгляд на раскрытый на столике ноутбук. И тут мой мозг выдал подлянку. Картина из телевизора удивительно легко, без малейших зазоров, наложилась на образ моего нового vip-клиента Давида. С его этим пугающе-неподвижным взглядом кошачьих глаз, резкими, хищными скулами и скрытой под дорогой итальянской шерстью пиджака животной силой. Он просто идеально, как влитой, подходил на роль такого безжалостного, непреклонного генерала. Только в моём случае генерал был не покрыт шрамами от сабель. Он был заморожен изнутри. Выжжен. Но это, как ни цинично это звучало, делало его в моих глазах лишь ещё более притягательным. Запретным...

— Стоп, Мира. Тормози, — скомандовала я себе вслух, отставляя пустую тарелку подальше. — Это классическая проекция. У тебя просто давно не было секса, и мозг цепляется за первый попавшийся крупный мужской объект, подгоняя его под романтический архетип. Ничего личного. Чистая физиология и дефицит эндорфинов...

Я выключила звук на телевизоре (актёры там уже распластались на дне лодки, натужно дыша и путаясь в мокрой одежде) и решительно придвинула к себе ноутбук. Хватит соплей. Мне нужен был план. Рабочий, жёсткий, нестандартный терапевтический протокол. Не те типичные шаблоны, которые я набрасывала десяткам невротиков до этого. Нет. Случай Давида требовал абсолютно иного подхода. Требовалось подобрать раздражители, перед которыми тело окажется беззащитно, чтобы в итоге и до мозга его дошло. Это должно быть что-то на грани фола. Что-то опасное.

Алекситимия - это эмоциональная дальтонизм и немота одновременно. Человек с этой особенностью не «бесчувственный» (как часто думают), он скорее эмоционально неграмотный, но не по своей вине. Его приёмник чувств сломан на уровне связи с мозгом. Обычные люди как я могут сказать, когда им грустно, когда им тревожно или страшно. А Давид чувствует через тело, но мозг его не догоняет, не может понять, что он ощущает. Он правда не различает, где злость, где страх, а где волнение. Для него всё это - просто «мне как-то не по себе». Это похоже на ситуацию, когда вы точно знаете мелодию, можете её промычать, но вспомнить название и слова песни не можете, как ни стараетесь. Эмоция есть, а ярлыка для неё нет. Из-за этого он не может пожаловаться другу или попросить помощи.

Я поглубже запахнула старый, застиранный махровый халат, то и дело сползающий с плеча, и начала остервенело печатать. Пальцы летали по клавишам, мысли выстраивались в чёткую структуру.

Первым шагом я определила обязательную визуальную фиксацию.

«Дистанция - строго полтора метра», — вбила я в документ. Всего три минуты в начале каждой сессии непрерывного зрительного контакта с ним, и я буду отслеживать частоту смены его настроения.

Следом в текст лёг тактильный тест. Осторожное, якобы случайное прикосновение. Передача ручки или блокнота. Мне нужно было увидеть скорость реакции его рецепторов, поймать ту самую долю секунды, когда по коже побегут первые мурашки или сообразится ритм дыхания.

Затем я добавила в план совместный ужин на нейтральной территории - просто проверка на базовые вкусовые раздражители.

Дальше - больше. Прямой контакт «кожа к коже»: моя ладонь ложится на его. Обязательный тест, который сблизит нас до критических, интимных десяти сантиметров - я должна зафиксировать реакцию его зрачков на запах. А потом - сессия в абсолютно тёмной комнате. Сенсорная депривация. Место, где из всех привычных ориентиров для него останется только мой тихий шёпот и его собственное дыхание.

Я остановилась, оторвав руки от клавиатуры. Внутри нарастало гудящее напряжение. Сердце почему-то стучало прямо в горле, мешая нормально сглотнуть. Мой указательный палец долго висел над кнопками, прежде чем я, закусив губу, выбила последнюю, самую рискованную и опасную строчку плана: «Сексуальный разряд».

В висках тут же тяжело застучала кровь.

С медицинской точки зрения я была абсолютно права. Это ведь самый мощный аффективный выброс, доступный человеческому телу. Оргазм - это порция окситоцина с дофамином, выброшенная в кровь. Это короткое замыкание всей центральной нервной системы. Момент, когда внутренний контролирующий компьютер перегорает к чёртовой матери, а тело берёт верх и начинает дико, беззвучно орать, сбрасывая напряжение. Если Давид не научится считывать свои эмоции через обычные, базовые прикосновения, у меня останется только этот, самый последний рубильник. И я знала это с самого начала. Ещё когда утром читала его анкету в кабинете. Знала, понимала все риски и всё равно, как дура, ввязалась в это профессиональное самоубийство.

Я со стоном откинулась на спинку дивана и с силой, до цветных кругов, потёрла глаза ладонями. Но стоило опустить веки, как перед внутренним взором снова всплыла его массивность. Крупные, спокойные ладони на подлокотниках моего кресла. Длинные сильные пальцы. Эта пугающая, чисто животная неподвижность, за которой скрывалась стальная пружина. И этот его голос... Господи, его тембр. Низкий баритон, вибрирующий где-то в самом основании моего позвоночника, отзывающийся внизу живота. «Мне нужно научиться чувствовать».

Я прокрутила эту фразу в голове раз десять. И каждый раз внутри, там, где должна быть беспристрастность врача, что-то болезненно и сладко сжималось. Это было совершенно, абсолютно непрофессионально. К чёрту всю медицинскую этику, к чёрту супервизии. Меня просто неудержимо тянуло к нему, как женщину...

Не в силах бороться с собой, я потянулась за телефоном и снова открыла его фотографию из вложения. В полутьме кухни-гостиной, освещённый лишь светом экрана телека, снимок выглядел иначе, чем днём. Мужчина на фото смотрел прямо на меня, и в его глазах мне теперь чудилось не холодное безразличие, а вызов. Мужское ожидание. Словно он бросал мне перчатку. Проверял, хватит ли у меня смелости и квалификации заглянуть за его броню, или я сдамся, как те лондонские профессора. Резкие скулы, жёсткая линия упрямой челюсти, смуглая, чистая кожа... Я снова вспомнила его плавные, бесшумные шаги при входе в мой кабинет. Хищник. Настоящий крупный хищник, который по какой-то случайности забрёл на мою территорию и теперь оценивает, стоит ли нападать первым. Или, может быть, стоит ли позволить этой женщине напасть на себя?

Внизу живота разлилась жажда. Такая давно забытая и такая катастрофически неуместная сейчас. Я плотно сжала бёдра, пытаюсь физически перекрыть, проигнорировать этот импульс, но стало только хуже. Ткань белья под старым халатом быстро намокала, реакция оказалась настолько острой и стремительной, что я со выдохнула воздух сквозь стиснутые зубы и резко перевернула телефон экраном вниз, шлёпнув его о столешницу.

На кого ты залипла, Мира? На пациента. На травмированного парня, который годится тебе в младшие братья уж точно. Ему тридцать, тебе тридцать семь. Он миллиардер без эмоций, ты - уставшая тётка с джином и сосисками.

— Мира, ты окончательно спятила, — хрипло сказала я вслух, и собственный голос в пустой квартире показался мне чужим. — Это просто клиент. Очередной сложный клинический случай. У тебя десять лет безупречной практики, ты видела всякое дерьмо, а сейчас сидишь на диване и течёшь, как пубертатная малолетка перед первым красавчиком школы. Успокойся. Это просто перенос. Завтра отпустит.

Я остервенело помотала головой, буквально вытряхивая эти мысли. Заставила себя вернуться к ноутбуку. Уставилась на светящиеся строчки про «сексуальный разряд». Мой палец снова завис над клавишей delete. Надо удалить. Надо немедленно стереть этот бред. Но нажать на чёртову кнопку я так и не смогла. Просто малодушно перескочила курсором дальше, торопливо дописала финальный пункт про интеграцию чувств и сопоставление физиологических данных с эмоциональными ярлыками. Быстро сохранила файл под кодовым именем, с хлопком закрыла крышку ноута и поплелась в спальню. На телеке началось новое ток-шоу - видимо, суровый генерал всё-таки качественно дотрахал свою непокорную героиню. На часах светилось начало второго.

Я упала в холодную постель, завернулась в одеяло и почти мгновенно, без сновидений... нет. Не без сновидений. Я провалилась в тяжёлый, вязкий сон и угодила прямиком в свой собственный рабочий кабинет.

Всё вокруг было в точности таким же, как днём. Те же ровные корешки книг на стеллажах, мой массивный стол, кожаное кресло в углу. Вот только освещение кардинально изменилось. Комнату заливал приглушённый, медово-золотистый закат, от которого сам воздух казался горячим и сладким, как расплавленный сироп.

Давид сидел в кресле. Но вместо строгого, застёгнутого на все пуговицы идеального серого костюма на нём была только простая чёрная футболка. Тонкая, мягкая ткань экстремально плотно обтягивала его рельефную, широкую грудь, выдавая каждый сантиметрик натренированных мышц. Он смотрел на меня в упор. И в этом взгляде больше не было той привычной стеклянной, мёртвой пустоты. В его карих кошачьих глазах полыхал живой, тёмный, голодный мужской огонь, и от одного только этого невыносимо взгляда у меня во сне мгновенно подкосились колени.

— Вы сказали, что моё тело всё чувствует, — произнёс он.

Его баритон прозвучал так низко, так вибрирующе, что у меня внутри всё скрутилось в пульсирующий комок.

— Докажите, Мира.

Я шагнула к нему, словно погружаясь в транс, не в силах разорвать этот оголённый, искрящий от перенапряжения зрительный контакт. Пространство кабинета, казалось, съжигалось до размеров двух кресел и ковра между нами, а воздух стал, будто перед грозой. Я приблизилась вплотную, а затем опустилась перед его раздвинутыми коленями прямо на мягкий ковёр, ощутив, как щетинка ворсинок впивается в колени сквозь тонкий шёлк чулок.

Дрожащие ладони я положила на его бёдра, а под пальцами моментально натянулась обжигающе горячая ткань летних брюк, источающая жар, словно у него под кожей тлели угли. Сердце билось слишком быстро, мешая нормально сглотнуть, однако я заставила свою руку смело скользнуть к его паху. Пряжка ремня звякнула в тишине кабинета слишком громко, будто я уронила на пол связку ключей. Металлическая молния отозвалась резким, вульгарным вжиком, послушно поддаваясь моему, как ни странно, уверенному движению.

Я потянула тёмную ткань вниз вместе с бельём, высвобождая его налившуюся, каменно-твёрдую плоть. Тяжёлый, пульсирующий, нереально горячий член с потемневшей от крайнего напряжения головкой уже влажно блестел от выступившей капли смазки, и в нос ударил терп-

кий, мускусный, горьковато-солончатый запах его возбуждения - чистый, ничем не прикрытый запах мужской нужды.

Я подалась вперёд, закрыла глаза и обхватила его губами.

Давид застонал. Низко, хрипло и абсолютно утробно. Так звучит дикий зверь, который впервые за долгие годы заточения позволил себе издать звук. Его крупные, жёсткие ладони мгновенно зарылись в мои распущенные волосы, собственнически сминая пряди и властно фиксируя мой затылок. Я двигалась неторопливо и дразняще, пробуя его на вкус, лаская кончиком языка каждую натянутую, пульсирующую венку на стволе. Вкус был одуряюще мужским, и это казалось единственно правильным. Спускаясь ниже, к самому основанию, я с жадным, стонущим наслаждением я обводила языком его тугую, налитую тяжестью мошонку, и он непроизвольно выгибался навстречу, с неконтролируемой силой вдавливая моё лицо и затылок в свои стальные бёдра.

Ммм, как же мне это нравилось. Как же это было вкусно. Внутри меня всё плавилось и текло от ненасытного, позорного голода. Откровенно говоря, у меня слишком давно не было нормального мужчины, и теперь это накопленное за годы воздержания и карьеры одиночество вырвалось наружу диким, неуправляемым потоком. Я безумно, катастрофически проголодалась по грубой страсти. И сейчас хотела распробовать этого мужчину до самого последнего миллиметра.

Его бёдра под моими руками начали мелко, судорожно подрагивать, дыхание сбилось на хрип. Я точно поняла, что он на самом пределе.

Но я не хотела, чтобы он кончил мне в рот. Не сегодня. Я резко отстранилась, поднялась на ноги, одним плавным движением задрала подол своей узкой юбки-карандаша и оседлала его колени. Белья на мне во сне чудесным образом не оказалось - только голая, мокрая от возбуждения плоть. Я опустилась на него всем весом, одним долгим, скольльзящим движением, принимая его в себя целиком, до самого глубокого упора.

Внутри меня он ощущался огромным, раскалённым, распирающим до сладкой боли. Он идеально, без остатка заполнил каждую складку, каждую саднящую пустоту моего тела. Я откинула голову назад, застонав в голос, и начала ритмично толкать бёдра, ловя его рваный, агрессивный темп. Его длинные пальцы впились в мою талию, наверняка оставляя там тёмные синяки, и этот грубый, властный напор сводил меня с ума. Бедолажное кресло скрипела под нашими влажными телами, мои бесстыдные хриплые стоны смешивались с его тяжёлым, загнанным дыханием и эхом отражались от стен кабинета, где ещё сегодня утром я с умным видом читала ему лекции.

Он сорвался первым. Я почувствовала, как его член внутри меня болезненно-судорожно завибрировал, выстреливая мощными, обжигающе горячими толчками. И этот его внутренний взрыв мгновенно, как детонатор, перекинулся на меня. Я запрокинула голову, вскрикнув, и начала сжиматься вокруг него неистовыми, бесконтрольными спазмами, от которых перед глазами взорвались сверхновые звёзды, а в лёгких просто закончился воздух.

Я проснулась резко, как от сильного удара током в грудь.

Сердце колотилось с остервенением, грозя проломить рёбра. Одеяло было безнадежно скомкано между ног, халат задрался до самого пояса. Кожа между бёдер была горячей, липкой и совершенно влажной и я прекрасно понимала, что это был совсем не пот. Я с силой прижала горячие ладони к пылающему лицу и тихо застонала.

Часы на тумбочке безжалостно высвечивали красным: четыре часа утра.

Я лежу в собственной холодной постели, одна, после ярчайшего влажного сна, в котором сначала вдохновенно отсосала собственному пациенту, а потом яростно трахнула его прямо на своём рабочем месте. Просто браво, доктор. Великолепно.

— Отлично, Мира, — силно прошептала я в серый, равнодушный потолок. — Просто супер. Это обычный контрперенос. Базовая психологическая соматическая реакция на слож-

ный, закрытый случай. Твой мозг просто ищет способ «вскрыть» пациента и использует для этого либидо. Это пройдёт. Это обязательно пройдёт, как только начнётся нормальная терапия.

Я заставила себя перевернуться на бок, крепко зажала прохладную подушку между дрожащих ног и попыталась уснуть. Но перед плотно закрытыми веками всё ещё стояло его изменившееся, искажённое страстью лицо в тот самый момент, когда он кончал. А в ушах на повторе крутился его хриплый, животный стон. Моё изголодавшееся воображение щедро дорисовывало тактильные детали с такой пугающей, откровенной точностью, что мне становилось искренне страшно за собственную профессиональную вменяемость.

Утром плотный консилер едва-едва помог скрыть серые тени под моими глазами. Я стояла перед зеркалом в ванной с чашкой крепчайшего кофе, вглядываясь в своё бледное отражение, и видела там отнюдь не уверенного специалиста. Оттуда на меня смотрела уставшая, хронически недотраханная, растерянная женщина, которая летит в глубокую пропасть, причём делает это с широко открытыми глазами.

Перед самым выходом из квартиры я всё-таки открыла крышку ноутбука, быстро перечитала вчерашний безумный текст плана и дрожащей рукой внесла правку. Я трусливо стёрла строчку про «сексуальный разряд» из основного, рабочего плана сессий. И перенесла её в самый-самый конец документа, в скрытый раздел экстренных мер. Рядом в скобках, оправдываясь перед самой собой, приписала сухим языком: «Только в случае полной неэффективности всех предыдущих этапов. Применять строго под протокол».

Я знала, что нагло вру самой себе. Как врач, как психолог, я прекрасно знала, что этот спрятанный секретный пункт - единственное, ради чего я вообще согласилась вписаться в эту мутную авантюру с миллиардером. Я до дрожи в коленях хотела сломать его холодность. Я хотела своими глазами увидеть, как этот идеальный, застёгнутый на все пуговицы робот теряет над собой человеческий контроль. Хотела почувствовать его тяжесть внутри себя наяву, а не в душных, позорных ночных поллюциях.

Но пока, по крайней мере до следующей сессии, я ещё могла притворяться, что всё идёт по плану и ситуация под моим полным контролем.

Я сунула ноут в сумку, набросила на плечи бежевое пальто и вышла в сырой, зябкий утренний город. Спустившись в метро и прижавшись спиной к холодному металлическому поручню вагона, я неотрывно смотрела на своё хмурое отражение в тёмном стекле дверей. В голове билась только одна трезвая мысль: если я хотя бы на миллиметр переступлю эту этическую черту, обратной дороги не будет. Моя многолетняя лицензия, с трудом заработанная репутация, место в клинике - всё это мгновенно полетит к чёртовой матери.

Но тут же внутри, откуда-то из-под самого сердца, пробившись сквозь панцирь логики, раздался другой голос. Тихий, порочный, но пугающе честный. «Да, полетит. Но, может, оно того стоит?».

Глава 4: Давид. Первое задание.

Сообщение от Миры Александровны пришло в 08:17. Я как раз заканчивал утреннюю пробежку на дорожке. Мышцы уже привычно горели, футболка насквозь промокла от пота, но дыхание шло ровно и размеренно. Телефон мигнул на консоли тренажёра, и я прочитал текст прямо на ходу, не сбавляя темпа: «Давид, встреча завтра в 15:00. Но не в клинике, а в кофейне "Grain" на Патриарших, знаете где это местечко? Приходите один, без компании. Это часть программы лечения. Мира».

Я дочитал и плавно остановил дорожку. Перечитал снова. Всего каких-то шесть предложений, а в груди вдруг стало тесно, словно кто-то сжал лёгкие в кулак и не отпускал. Я стоял, смотрел в экран и чувствовал, как сердце колотится быстрее, хотя никакой физической нагрузки уже и не было. Просто обыкновенный текст. Просто лечащий врач назначил очередной сеанс... Ну и откуда вот такая реакция? Хмм...

«Не в клинике». Это означало, что она вытаскивает меня из безопасного, привычного пространства в непредсказуемый город. Ну, я и не социфоб, не тревожник, поэтому это для меня проблема. «Приходите один». Никаких свидетелей, никаких третьих лиц, только мы вдвоём. «Часть программы лечения». Она устанавливала правила, и мне это нравилось. Нравилось настолько, что я почувствовал, как уголки моих губ сами собой дёрнулись вверх. Это было странно, непривычно и выходит, что даже приятно. Я ведь улыбаюсь... Непроизвольно улыбаюсь...

Весь следующий день я ловил себя на том, что постоянно смотрю на часы. Обычно время для меня течёт ровно, я не замечаю его хода, но сегодня каждая минута тянулась, как резиновая. Я сидел на совещании, а перед глазами стояли строчки её сообщения. Я открывал почту, а мысли улетали куда-то в сторону Патриарших прудов. Внимание расщепилось надвое: одна часть ещё кое-как цеплялась за рабочие задачи, вторая - безостановочно прокручивала в голове строчки, которые я выучил наизусть.

В 13:00 у меня должна была быть видеосвязь с сингапурским инвестиционным фондом. Крупная сделка, серьёзные деньги. Обычно я готовлюсь к таким переговорам тщательно, проверяю каждую цифру, но сегодня я просто вызвал секретаря и отменил созвон. Сослался на медицинскую необходимость, и это не было ложью - моё состояние действительно требовало вмешательства. Я не мог думать ни о чём, кроме предстоящей встречи.

В 14:15 я вышел из башни. Водитель уже ждал у подземного терминала, стоя у открытой двери майбаха, но я прошёл мимо.

— Сегодня пешком, — бросил я коротко.

Он удивлённо моргнул, но интересоваться переменной в моём поведении не стал. Да он никогда и не спрашивает ни о чём особо, мы не друзья. И моя личная жизнь, мои прихоти, капризы, сумасбродства его никак не касаются. Да и за три года работы со мной он привык, что мои решения не обсуждаются.

Мне нужно было пройтись. Внутри скопилось странное напряжение, мышцы словно свело судорогой ожидания, и я надеялся, что ходьба поможет сбросить этот груз. Октябрьская Москва встретила меня колючим ветром, который путал волосы и хлестал по лицу ледяными порывами. Я шёл быстро, длинным шагом, обходя прохожих, и думал о том, что у меня нет чёткого сценария. Я же всегда всё просчитываю наперёд, даже встречи с людьми. Да, даже такие мелочи - как встреча с доктором. Не знаю почему так. Просто привычка. Черта характера. Мира не дала мне никаких инструкций. Она просто бросила меня в неизвестность, и от этого внутри разрасталось что-то горячее, похожее на азарт.

Обычно мир вокруг меня плоский. Люди - это набор функций, а их лица - это маски для социальных игр, их слёзы и смех - заученные сценарии. Так было всегда, сколько я себя

помню. Но Мира Александровна в эту схему не укладывалась. Её образ в моей голове был объёмным, цветным, тёплым. Стоило мне закрыть глаза, как я видел её фарфоровую кожу и светлые волосы, вечно живущие своей собственной, хаотичной жизнью.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.